

УДК 82+821.161.1

ББК 83+83.3(2=411.2)

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-142-150

Виталий Антонов

**Другой двойник в повести Ф.М. Достоевского
«Двойник»**

Vitalij Antonov

**The Other Double in F.M. Dostoevsky's Story
“The Double”**

Об авторе: Виталий Алексеевич Антонов, студент 4 курса юридического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

E-mail: WolfDriller@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу повести Ф.М. Достоевского «Двойник» с точки зрения того, что в повести, помимо очевидного двойника Голядкина-младшего, присутствует другой двойник, о котором обычно не говорят исследователи. Понятие «другой двойник» рассматривается в двух аспектах: первый заключается в том, что в повести у Крестьяна Ивановича Рутеншица тоже есть свой двойник, второй – в том, что двойник может являться не только отрицательным персонажем, врагом или вредителем, но положительным персонажем, другом для главного героя, способным помочь в решении жизненных проблем. При рассмотрении понятия «другой двойник» в рамках первого аспекта производится анализ описаний внешности Крестьяна Ивановича Рутеншица, который появляется всего три раза на протяжении всей повести, производится анализ слов, которые были употреблены Ф.М. Достоевским для описания этого персонажа. В ходе такого анализа становится видно, что внешность Крестьяна Ивановича Рутеншица изменяется, из-за чего главный герой повести перестаёт воспринимать Крестьяна Ивановича с произошедшими в нём изменениями как того Крестьяна Ивановича, с которым главный герой встретился в начале повести, из-за чего можно сделать вывод о том, что у Крестьяна Ивановича тоже есть двойник. При рассмотрении понятия «другой двойник» в рамках второго аспекта производится анализ взаимоотношений между Голядкиным-старшим, Голядкиным-младшим и Крестьяном Ивановичем, производится анализ изменений восприятия Голядкиным-старшим Крестьяна Ивановича и Голядкина-младшего, которые происходили на протяжении всей повести Ф.М. Достоевского «Двойник».

Ключевые слова: двойник, другой двойник, повесть Ф.М. Достоевского «Двойник», Голядкин, Голядкин-старший, Голядкин-младший, Крестьян Иванович Рутеншиц.

Для цитирования: Антонов В.А. Другой двойник в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 142-150.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-142-150

About the author: Vitalij A. Antonov, 4th year student in the Law Faculty of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod).

E-mail: WolfDriller@gmail.com

Abstract: This article analyses F.M. Dostoevsky's story "The Double" in order to show that besides the obvious Golyadkin Jr., there is another double, which researchers usually don't write about. The idea of the other double is considered from two points of view. The first one is that the other double is the double of Krestyan Ivanovich Rutenspitiz. The second one is that the double isn't only a negative character, an enemy: the double could be a positive character, a possible friend to the main character, able to help him. In a first moment, the author analyses the three appearances of Krestyan Ivanovich Rutenspitiz during the plot, concentrating on the words that F.M. Dostoevsky uses when describing this character. The analysis shows how the appearance of Krestyan Ivanovich Rutenspitiz changes from one appearance to another and that is why Golyadkin Sr. stopped to perceive Krestyan Ivanovich as the same person he met at the beginning of the story. Thus, we can conclude that Krestyan Ivanovich has a double too. Secondly, the author analyses the relationship between Golyadkin Sr., Golyadkin Jr. and Krestyan Ivanovich, and the changes in the perception of Krestyan Ivanovich and Golyadkin Jr. by Golyadkin Sr. throughout the story.

Key words: double, the other double, F.M. Dostoevsky's story "The Double", Golyadkin, Golyadkin Sr., Golyadkin Jr., Krestyan Ivanovich Rutenspitiz.

For citation: Antonov V.A. The Other Double in F.M. Dostoevsky's Story "The Double". *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 3(7), pp. 142-150.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-142-150

В данной статье понятие «другой двойник» рассматривается в двух разных аспектах.

Первый аспект: другой двойник – это не привычный и традиционный Голядкин-младший, которого считают двойником повести, а двойник Крестьяна Ивановича Рутеншица.

Во время посещения господином Голядкиным своего доктора в начале повести Крестьян Иванович Рутеншиц описывается следующим образом: «Весьма здоровый, хотя уже и пожилой человек,

одарённый густыми седеющими бровями и бакенбардами, выразительным, сверкающим взглядом, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни, и, наконец, значительным орденом <...> курил сигару» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 114]. Автор акцентирует внимание на том, что одарён он был «выразительным, сверкающим взглядом, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 114]. Этим подчёркивается профессионализм Крестьяна Ивановича в медицинской сфере (настолько хорош, что даже взглядом может излечить больного), тем самым подтверждается его звание «доктор медицины и хирургии» – высшая учёная степень.

В следующий раз Рутенштиц появится в повести спустя продолжительное время, а именно: в эпизоде в доме у его превосходительства. Среди гостей, пришедших к его превосходительству, находились Андрей Филиппович и другой человек, которого Голядкин не узнал: «Впрочем, лицо было как будто тоже знакомое, – высокая, плотная фигура, лет пожилых, одарённая весьма густыми бровями и бакенбардами и выразительным, резким взглядом. На шее незнакомца был орден, а во рту сигарка» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 216]. В этом образе можно узнать Крестьяна Ивановича, но вот глаза Голядкина не видят в этом человеке своего доктора. Возможно, из-за того, что выразительный взгляд остался, но в описании уже нет упоминания о том, что взгляд этого человека прогоняет все болезни. А если глаза Голядкина, установив контакт с глазами Рутенштица, не находят в них этого лечебного свойства, то он и не воспринимает его как того Крестьяна Ивановича, к которому главный герой приходил в начале повести. Этот незнакомец (Рутенштиц) является двойником, то есть похож внешне, похож по описанию. Из-за того, что у двойника Крестьяна Ивановича нет теперь «лечебного» взгляда, он не воспринимается Яковым Петровичем как тот, кто может ему помочь.

При первой встрече Голядкина с Рутенштицем главный герой часто смотрел в глаза доктору: «...проговорил господин Голядкин, бросая значительный взгляд на Крестьяна Ивановича» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 115], «господин Голядкин тоже в свою очередь довольно недоверчиво покосился на доктора» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 116], «...заклучил господин Голядкин, бросив вызывающий взгляд на Крестьяна Ивановича» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 117], «несколько секунд стояли они таким образом оба,

неподвижно и не сводя глаз друг с друга» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 118]. В сцене в доме у его превосходительства главный герой испытывал неудобство, если ловил взгляд человека, лицо которого «было как будто тоже знакомое»: «Незнакомец курил и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивал головою, взглядывая по временам на господина Голядкина. Господину Голядкину стало как-то неловко; он отвел свои глаза в сторону и тут же увидел еще одного весьма странного гостя» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 216]. Он боится зрительного контакта с этим Крестьяном Ивановичем и избегает его, с Крестьяном же Ивановичем из первой сцены – наоборот.

В третий раз Рутеншиц появляется в конце повести. Здесь Крестьян Иванович тоже назван незнакомцем, описывается он так: «Господин Голядкин эту фигуру очень хорошо знал. Он ее видел, очень часто видал, еще сегодня видел... Незнакомец был высокий, плотный человек, в черном фраке, с значительным крестом на шее и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами; недоставало только сигарки во рту для дальнейшего сходства...» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 227].

По сравнению с двумя предыдущими описаниями Крестьяна Ивановича в третьем, во-первых, ничего не сказано про его взгляд, возможно, из-за того, что он ничем не примечателен, в отличие от взгляда первого Крестьяна Ивановича. Во-вторых, бакенбарды и брови из «густых седеющих» сначала стали «весьма густыми», а в конце стали «весьма чёрными». Весьма странные мелкие изменения в Рутеншице, особенно если учесть, что седые волосы стали чёрными – это представляется невозможным, так как волосы из чёрных становятся седыми в процессе старения. На основании сказанного можно предположить, что этот двойник Крестьяна Ивановича моложе, чем первый Крестьян Иванович, который имел «густые седеющие» брови и бакенбарды. Помимо этого, при первом описании у него имелся «значительный орден», во втором: «На шее незнакомца был орден», при третьем орден превратился в «значительный крест». Подобные мелкие детали говорят о том, что это двойник того Крестьяна Ивановича, который был в начале повести, но подобные мелкие детали игнорируются Голядкиным, а мысль о *другом* (о двойнике) приходит к нему только в финальной сцене в карете. В этих изменениях, связанных с двумя мелкими деталями, есть нечто общее: при втором описании деталь теряет какое-то своё качество (бакенбарды потеряли седеющий цвет, орден потерял

«значительность»), а при третьем описании деталь снова приобретает какое-то качество, но уже немного другое (бакенбарды снова приобрели цвет, но цвет чёрный, а не седеющий; снова появилась «значительность», но значительность уже не у ордена, а у креста (отличие здесь как минимум в именовании детали, в акценте на то, что это крест).

Голядкин не замечает этих изменений, что сыграет с ним плохую шутку в финале повести. Именно окружающие утверждали, что человек, появившийся на пороге, когда двери в залу с шумом растворились – это Крестьян Иванович. В этот момент Голядкин-младший воскликнул: «Это, это Крестьян Иванович Рутенштиц, доктор медицины и хирургии, ваш давнишний знакомец, Яков Петрович!» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 228]. Все вместе в голос говорили, «что это ничего; не бойтесь, Яков Петрович, что это ведь старинный друг и знакомец ваш, Крестьян Иванович Рутенштиц» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 228]. Окружающие хотят убедить Голядкина, что это именно тот доктор, но, как уже было сказано, в докторе произошли некоторые изменения, и он для Голядкина уже не является «давнишним знакомцем» и «старинным другом». Под общим давлением Голядкин начинает воспринимать его как Крестьяна Ивановича, он говорит следующую фразу после обращения к толпе, которая и уверяла его, что этот доктор – Рутенштиц: «В таком случае я готов... я вверяюсь вполне... и вручаю судьбу мою Крестьяну Ивановичу...» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 228]. Важна формулировка «в таком случае», которая показывает, что главный герой доверился толпе. Господин Голядкин оказывается обманутым, так как когда он говорит, что вручает свою судьбу Крестьяну Ивановичу, он имеет в виду не двойника доктора, а того Крестьяна Ивановича, к которому он приходил в начале повести – доктора «с выразительным, сверкающим взглядом, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 114], то есть человека, которому можно доверить свою судьбу – жизнь, здоровье. Понимание того, что он был обманут, приходит только в последних строчках повести, во время сцены в карете: «Это не Крестьян Иванович! Кто это? Или это он? Он! Это Крестьян Иванович, но только не прежний, это другой Крестьян Иванович! Это ужасный Крестьян Иванович!..» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 229]. До Голядкина доходит, что при внешней схожести, этот доктор – это двойник

Крестьяна Ивановича («другой», «не прежний», не тот, который был в первой сцене).

Двойник Крестьяна Ивановича по сравнению с первоначальным Крестьяном Ивановичем плохо говорит по-русски, с немецким акцентом. Во время первой встречи Рутеншпиц в разговоре никак не проявлял своё немецкое происхождение. То есть изменения произошли не только во внешности, одежде, но и в языке. Как волосы не могут стать сами по себе из седых чёрными, так и человек, который до этого хорошо разговаривал по-русски, не может спустя короткий промежуток времени начать говорить с акцентом. Предложение: «Ви получаит казенный квартир, с дровами, с лихт и с прислугой, чего ви недостоин, – строго и ужасно, как приговор, прозвучал ответ Крестьяна Ивановича» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 229], – можно понять не в таком ключе, как обычно это делают (что Голядкина везут в сумасшедший дом или ад). Фраза звучит так, как будто это приговор, из-за того, что она произнесена с акцентом, что является ещё одним и последним (для полной уверенности) подтверждением, что Голядкин был обманут, что доверился он не Крестьяну Ивановичу, а его двойнику. Ощущение необратимости процесса, на который он дал согласие из-за такого «мошенничества» (вручил свою судьбу), создаёт восприятие фразы как обвинительного приговора, который он услышал. Мошенничество в данной ситуации заключалось в том, что Крестьян Иванович был незаметно «заменён» на другого.

Второй аспект «другого двойника» заключается в том, что двойник воспринимается главным героем сначала как друг, способный помочь, а потом как враг и соперник.

Поведение Голядкина-младшего в начале повести отличается от поведения впоследствии. После первого дня на работе Голядкина-младшего он и Голядкин-старший встречаются на улице. Очень важно, как автором называется двойник: «Милостивый государь, – произнес наконец наш герой, стараясь говорить почти шепотом и не глядя на своего **приятеля**» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 152], «Я бы желал, – проговорил наконец **приятель** господина Голядкина» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 152]. В данных отрывках двойник – это приятель.

Поведение двойника дома у Голядкина-старшего сильно отличается от его дальнейшего поведения в повести. В этой сцене Голядкин-младший представлен как дружелюбный человек, в котором

так нуждался (нуждались и тот, и другой), которого сильно хотел встретить главный герой: «Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понял он, что **нужда в нём великая**, и потому не стал более затрудняться, как начать с своим гостем, предоставив это всё, как и следовало, ему самому» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 154], «Ну, да ведь мы с тобой, Яков Петрович, сойдемся, – говорил наш герой своему гостю, – мы с тобой, Яков Петрович, будем жить, как рыба с водой, **как братья родные**; мы, **дружище**, будем хитрить, заодно хитрить будем; с своей стороны будем интригу вести в пику им... в пику-то им интригу вести. А им-то ты никому не вверяйся. Ведь я тебя знаю, Яков Петрович, и характер твой понимаю; ведь ты как раз всё расскажешь, душа ты правдивая! Ты, **брат**, сторонись от них всех» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 157].

Интересна фраза: «А им-то ты никому не вверяйся <...> Ты, брат, сторонись от них всех» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 157]. Голядкин-старший использует понятие «вверить», именно это он делает с Крестьяном Ивановичем в конце, доверяя ему свою судьбу. Нельзя вверяться «им», то есть другим, а Крестьяна Ивановича он не относит к «ним», так как доктор кажется ему другом и человеком, который может помочь с его болезнью, из-за чего вверяется ему, но вверяется под давлением «их», которые уверяют Голядкина, что это именно тот старый знакомый доктор. При таком раскладе непонятно, нарушает ли сам Яков Петрович совет, данный Голядкину-младшему.

Голядкин-старший в этот вечер понял, что «нужда в нём (у Голядкина-младшего) великая». У главного героя подобная нужда имеется в Крестьяне Ивановиче, так как он является тем человеком, который может вылечить его, может помочь справиться с его тяжёлой жизненной ситуацией. В этой связи интересна реакция Голядкина на ситуацию, когда он разбил склянку с лекарством, которое было выписано как раз Рутеншпицем: «Вдруг он вздрогнул и чуть не вскрикнул от ужаса. Новый свет проливался... Темная, красновато-отвратительная жидкость зловещим отсветом блеснула в глаза господину Голядкину... Пузырек выпал у него из рук и тут же разбился. Герой наш вскрикнул и отскочил шага на два назад от пролившейся жидкости... он дрожал всеми членами, и пот пробивался у него на висках и на лбу. “Стало быть, жизнь в опасности!”» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 208]. Утрата лекарства

Крестьяна Ивановича вызывает страх за свою жизнь, ибо без лекарства, которое Крестьян Иванович выписал ему, она находится в опасности.

В дальнейшем образ друга и помощника изменяется на врага и вредителя как в отношении Голядкина-младшего, так и в отношении Крестьяна Ивановича. То есть первые образы Голядкина-младшего и Крестьяна Ивановича отличаются от последующих их образов. Один устраивает интриги против главного героя, выставляет на смех, всячески пытается уколоть и задеть, другой становится ужасным, видимо, увозит в сумасшедший дом (то есть перестаёт заниматься его лечением, а передаёт это занятие другим лицам), может одним взглядом оледенить ужасом. При этом Голядкин, видя эти изменения, всё равно надеется на то, что удастся вернуться к тем более дружественным отношениям, его некоторая наивность, искренность может считаться глупой, может удивлять или даже умилять. Например, когда Олсуфий Иванович и Андрей Филиппович сводят двух Голядкиных, старший думает: «Это мирить нас хотят», – подумал герой наш и с умилением протянул свою руку господину Голядкину-младшему; потом, потом протянул к нему свою голову» [Достоевский, 1972-1990, т. 1, с. 227].

Во многих других эпизодах Голядкин не теряет надежду на то, что плохие отношения с двойником можно изменить, что можно всё исправить и снова сдружиться. С Крестьяном Ивановичем история похожая: несмотря на то, что он вызывает леденящий ужас у Голядкина, главный герой всё равно доверяет свою судьбу этому двойнику Крестьяна Ивановича, возможно, в надежде на то, что тот станет прежним Крестьяном Ивановичем, у которого нет взгляда, вызывающего леденящий ужас – станет доктором, другом и помощником. Когда в карете Яков Петрович видит эти два огненных глаза, он пытается успокоить Крестьяна Ивановича, сделать так, чтобы гнев, враждебное отношение перешло в старое и более добродушное, дружелюбное отношение: «Крестьян Иванович, я... я, кажется, ничего. Крестьян Иванович, – начал было робко и трепеща наш герой, желая хоть сколько-нибудь покорностию и смирением **умилосердить** ужасного Крестьяна Ивановича» [Достоевский, 1972-1990, т.1, с. 229].

Господин Голядкин до конца надеется на то, что его двойник (Голядкин-младший) и двойник Крестьяна Ивановича смогут стать другими. Получается: стать другими ещё раз, после того, как они

уже становились другими – пройти круг превращений и вернуться на исходную дружественную позицию по отношению к главному герою.

Список литературы

1. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.

References

1. Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

УДК 82+821.161.1
ББК 83+83.3(2=411.2)
DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-151-156

Александр Александров

**Мотивы света и тьмы в повести Ф.М. Достоевского
«Неточка Незванова»**

Aleksandr Alexandrov

**Light and Darkness in F.M. Dostoevsky's Novel
*Netochka Nezvanova***

Об авторе: Александр Иванович Александров, учащийся 10 класса МАОУ СОШ, Холм.

E-mail: panoma@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется неоднозначность мотивов света и тьмы и их значение в повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова». Эти мотивы пронизывают весь роман, видоизменяясь от условной первой части до условной третьей части. Сначала мотивов немного, они конкретны, но постепенно приобретают метафорическое значение; уже во второй части происходит борьба света и тьмы, а в третьей части это, в том числе, и средства, с помощью которых Ф.М. Достоевский создаёт портреты членов семьи Александры Михайловны.

Ключевые слова: Достоевский, свет, тьма, мотивы, неоднозначность, Неточка.

Для цитирования: Александров А.И. Мотивы света и тьмы в повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 151-156.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-151-156

About the author: Alexander I. Alexandrov, 10th grade student, Kholm, Novgorod region.

E-mail: panoma@mail.ru

Abstract: The article examines the ambiguity of the motives of light and darkness and their significance in F.M. Dostoevsky's novel *Netochka Nezvanova*. These motives permeate the whole text, changing from the first part to the third part (conventionally). At the beginning, the motives appear rarely and in its concreteness, then gradually acquiring a metaphorical meaning. In the second part

there is a struggle between light and darkness, while in the third part they are the means Dostoevsky uses to create the portraits of Alexandra Mikhailovna's family members.

Key words: Dostoevsky, light, darkness, motives, ambiguity, *Netochka*.

For citation: Alexandrov A.I. Motives of Light and Darkness in F.M. Dostoevsky's Story *Netochka Nezvanova*. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 3(7), pp. 151-156.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-151-156

Упоминаний о свете и тьме в повести Ф.М. Достоевского «Нечка Незванова» так много, что их невозможно не заметить и невозможно проследить все в небольшой статье, поэтому речь пойдет лишь о наиболее важных. Когда начинаешь их анализировать, с удивлением замечаешь некоторые закономерности.

В первых главах повести рассказывается о детстве бедной девочки. На протяжении всего её рассказа о своём детстве создаётся такое впечатление, что её жизнь проходит в какой-то тьме, даже во мраке, но, как ни странно, Ф.М. Достоевский почти не использует таких слов: упоминается лишь «полночь», когда помещик входит к арестованному Ефимову с зажженным фонарем для задушевной беседы [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 146], о «неподвижной идее» Ефимова говорится: «Но эта идея была тёмная, неясная» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 149]. О жизни Ефимова говорится в конце 1-й главы, что она была «печальная, болезненная и чадная» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 158]. Время, с которого начала себя хорошо помнить Нечка, оставило в ней «резкое и грустное впечатление; <...> оно набросило тёмный и странный колорит на всё время житья моего у родителей...» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 159]. Перед смертью мать Нечки со свечкой входит посмотреть, спит ли дочь, а возвратившийся Ефимов сидит в мертвой тишине, и «оплывшая сальная свечка грустно освещала <...> жилище» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 183]. Последними словами Ефимова, обращенными к Нечке, стали: «Поди к ней, Нечка, поди; там не темно, там есть свечка...» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 187].

Из упоминаний о свете – свечка и фонарь, темный колорит и темная неподвижная идея – из упоминаний о темноте.

Какими же средствами писатель добивается этого впечатления мрака в первых главах?

Словами самой героини он рисует мрак тех дней, которые она провела в родительском доме, например, в описании обстановки: «Я очнулась в большой комнате с низким потолком, душной и нечистой. Стены были окрашены грязновато-серою краскою; в углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу или, лучше сказать, на кровлю противоположного дома и были низкие, широкие, словно щели. Подоконники приходились так высоко от полу, что я помню, как мне нужно было подставлять стул, скамейку и потом уже кое-как добираться до окна» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 159]. В этом описании нет слов «тьма», «тьма», но стены, окрашенные в серую краску, и окна под потолком, похожие на щели, и эта духота – всё наталкивает на мысль о том, что в этой комнате темно; более того появляется ощущение, что они живут в какой-то не то коробке, не то подвале.

Большая часть событий их жизни происходит либо под вечер, например: «Помню, что были сумерки; всё было в беспорядке и разбросано: щётки, какие-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка и, не знаю, что-то такое ещё» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 159], либо в каких-нибудь предположительно тёмных местах, например, на лестнице: «Я остановилась на лестнице, поджидая его. Он был так взволнован и нетерпелив, что без всякой предосторожности тотчас же выбежал вслед за мной. Я отдала ему деньги; на лестнице был темно, я не могла видеть лица его, но я чувствовала, что он весь дрожал, принимая деньги» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 180].

Здесь нет ни настоящего света, ни абсолютного мрака как до определённого момента при сотворении мира, когда не было ни света, ни тьмы. Но заканчивается третья глава словами Неточки о том, что «истина ослепила его своим нестерпимым блеском», «все <...> вдруг разом засияло перед ним, открылось глазам его [Ефимова. – А.А.], которые упрямо не хотели признать до сих пор свет за свет, тьму за тьму». Истина «ослепила и сожгла его разум. Она ударила в него вдруг неизбежно, как молния» [Достоевский, 1972-1990, с. 188].

В условной второй части, когда Неточка попадает в дом князя, который раньше казался ей раем, всё происходит наоборот: много говорится о мраке, например, вот впечатления Неточки от кня-

жеских комнат: «...большие, высокие, богатые, но такие угрюмые, мрачные, что, помню, я серьёзно боялась пуститься через какую-нибудь длинную-длинную залу, в которой, мне казалось, совсем пропаду» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 189], «Проснулась я уже очень поздно; кругом меня было темно; ночник погас, и девушки, которая сидела в моей комнате, не было» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 195].

Хотя о мраке говорится много, не создаётся впечатления о княжеском доме, как о чём-то сумрачном. Возможно, это происходит потому, что в этом доме живут светлые люди. Неточка говорит: «Очнулась я на тёплой, мягкой постели и увидела возле себя приветливые, ласковые лица, которые с радостью встретили моё пробуждение» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 187]. Внутренний свет незнакомцев подчёркивается через такие детали, как очки на носу старушки (не старухи), сострадание в чьих-то глазах, седая (светлая) голова старика.

Неточке княжеские комнаты кажутся угрюмыми, возможно оттого, что она ещё носит в себе ту темноту из родительского дома, уныние от потери семьи: «Болезнь моя ещё не прошла, и впечатления мои были мрачные, тягостные, совершенно под лад этого торжественно-угрюмого жилища. К тому же какая-то, ещё неясная мне самой, тоска всё более и более нарастала в моём маленьком сердце» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 189].

Однажды Неточка просыпается в полной темноте, даже ночник погас. Еле различимые звуки музыки выводят её из этой тёмной комнаты, похожей на её уныние. Вдруг княжеский дом предстаёт пред ней совсем иным: лестница ярко освещена, зала сверкает тысячью огней. «Как будто море света хлынуло на меня, и глаза мои, привыкшие к темноте, были в первое мгновение ослеплены до боли» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 195], много женщин в светлых платьях, сверкающие от удовольствия взгляды. Дом преобразился. «Так вот, вот где был этот рай! – пронеслось в моей голове, – вот куда я хотела идти с бедным отцом... Стало быть, это была не мечта!» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 195], – говорит Неточка. Она слышит знакомую музыку и ищет отца, бежит к нему с криком, но попадает в «длинные костлявые руки» старика-музыканта: «Чьи-то черные глаза устремились на меня и, казалось, хотели сжечь меня своим огнем. ...Нет! Это был не отец; это его убийца!» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 196]. Неточка лишается чувств.

Интересно, что у Кати, наделенной «сверкающей красотой», черные сверкающие и даже «желающие сжечь» глаза, иногда «блистающие торжеством» и черные локоны [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 199-200]. Катя часто краснеет «как полымя» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 205], «как огонь» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 209]. О ее личике Неточка говорит, что оно было «светленькое»

Сначала Ф.М. Достоевский назвал третью часть повести «Тайна». Мне кажется, что свету и тьме здесь отведены две роли. Одна нужна для того, чтобы нарисовать портреты членов семьи Александры Михайловны. Сама Александра Михайловна привлекла Неточку своей безмятежно-ясной улыбкой, которая так часто светлела на лице её. «Смотря на ясные, спокойные черты лица её, нельзя было предположить с первого раза, чтоб какая-нибудь тревога могла смутить её праведное сердце. <...> Но в иную счастливую, нетревожную минуту в этом взгляде, пронизавшем в сердце, было столько ясного, как день, столько праведно-спокойного...» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 225].

Неточка говорит о Петре Александровиче: «Муж Александры Михайловны с первого раза произвёл на меня угрюмое впечатление. Это впечатление зародилось в детстве и уже никогда не изглаживалось» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 226]. Другая роль, чтобы создать ощущение загадочности, тайны и приоткрыть занавес таинственности. Здесь указание на свет и тень имеет метафорический характер. «Я наблюдала, замечала, угадывала, и с самого начала вселилось в меня тёмное подозрение, что какая-то тайна лежит на всём этом...» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 228]

Интересно, что письмо, которое нашла Неточка, помогло ей приоткрыть эту тайну. В библиотеке было много света. «В комнате было ярко-светло от последних, косых лучей заходящего солнца, которые густо лились в высокие окна на сверкающий паркет пола...» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 239]. Да и сама записка «от долгого лежания между страницами оставила на них во весь размер свой светлое место» [Достоевский, 1972-1990, т. 2, с. 239]. Контрастом к этому свету служат «угрюмые, темные сцены», свидетельницей которых была Неточка в начале жизни в доме Александры Михайловны, «темная душа» Петра Александровича, о которой упоминается на последних страницах.

Что происходит с мотивами света и тени (тьмы) в повести? Они видоизменяются: в условной 1-й части их немного, они конкретные,

и только в конце мотив приобретает метафорическое значение («истина ослепила и сожгла»); во 2-ой части мотив звучит так мощно потому, что, кажется, происходит борьба между светом и тьмой (из мрака горя в светлый рай музыки, борьба светлого и темного в Кате и др.); в 3-й части многочисленные упоминания о бледном лице Александры Михайловны противопоставляются упоминаниям о темной душе Петра Александровича. Свет истины, которым полно письмо О.С., оставляет свой светлый отпечаток даже в книге, в которой оно лежало.

Список литературы:

1. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.

References

1. Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)